

ТЕРЕНТІЙ ТРАВНІКЪ

Терентій Травнікъ
В СВОЁ ВРЕМЯ.
Воспоминания о современниках

«Издательские решения»

Травнікъ Т.

**В СВОЁ ВРЕМЯ. Воспоминания о современниках / Т. Травнікъ —
«Издательские решения»,**

ISBN 978-5-00-532979-0

Автор в интересной и увлекательной форме рассуждает о событиях своей юности. В книгу вошли очерки и эссе, рассказывающие не только о его друзьях и знакомых, но и тех людях, которые в той или иной степени повлияли на формирование его творческих взглядов и интересов. В основном статьи в книге затрагивают период конца XX столетия, когда страна переживала не только спад, но и подъем, который неизменно найдёт отражение в делах будущих поколений.

ISBN 978-5-00-532979-0

© Травнікъ Т.
© Издательские решения

Содержание

Семь строф о честном человеке	6
Памяти Евгения Евтушенко	8
Мастерство, подаренное свыше	9
Действительно – примадонна!	13
Памяти Дмитрия Хворостовского	15
Нравственно-публицистический роман Ирины Соловьёвой	17
О творчестве Саши Вебер	19
И горький вкус, и сладкий вкус судьбы	22
Они сгорали за Родину: 30-35-42-28-27...	27
Четыре поэта и... Россия	29
«Плывёт в глазах холодный вечер»	30
В тоске по непогоде	33
Несколько слов о фильме «Годунов»	35
Ас-салямю алейкум – и вам мир!	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

В СВОЁ ВРЕМЯ

Воспоминания о современниках

Терентій Травнікъ

© Терентій Травнікъ, 2021

ISBN 978-5-0053-2979-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Семь строф о честном человеке

Ни дней, а лет немало я в пути.
Ещё с двадцатого покинул дом я века.
Поверишь ли, но хочется найти
Советского простого человека.

Того, что жил единою страной
И не ввозил, но сеял хлеб засушенный.
Сегодня он, как говорится, штучный —
Тот человек, тот труженик земной.

Простой, как говорится, без замашек,
Рабочий парень с правильным лицом,
В отглаженной, по случаю, рубашке
Да с крепенько прилаженным словцом.

Простой, как говорится, без прищуря
Мужик-сельчанин в тельнике своём,
Солдатским перехваченном ремнём,
Сующий за ухо погашенный окурочок.

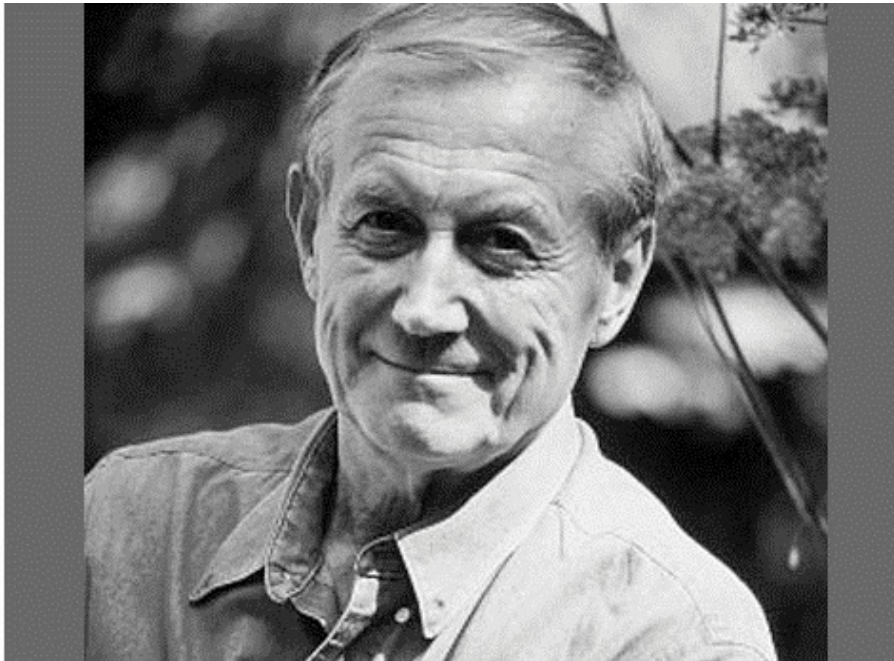
Простой, как говорится, без налёта,
Учёный-праведник с портфелем и в очках,
Что лезет вовсе не под дурачка,
Под пули критиканских пулемётов.

Простой, как говорится, без надлома,
Обыкновеннейший во всём интеллигент,
Руководящий кафедрой доцент,
На перекус несущий чай из дома.

Простой, как говорится, без петличек,
Перемахнувший в двадцать первый век
На запасном стоящей электричке,
Забытый всеми... честный человек!

2 февраля 2018

Памяти Евгения Евтушенко

Да, это так! И небо стало ниже,
И звезды потускнели, стали тише
Их невозможно длинные лучи...
Да, это так, когда поэт... молчит.

«Молчит поэт» – без воли сочетание
Двух непересекающихся слов!
Молчит поэт – секунда наказания
Оставшихся без пастыря миров.

Молчит поэт... Уж день, как сердце встало,
И вечность, как ни слова, ни словца.
Нет у эпохи более лица —
Своё лицо эпоха потеряла.

Поэт молчит, а надо бы сказать,
Не дать расставить точки замиранью,
Но высечь, выбить на листе названье,
Не позволяющее слову умирать,

Хватающее прямо за грудки...
Поэтам же дано такое право!
Гудит апрель, под скорбные гудки
Рождается оно: «Поэту – Слава!»

2 апреля 2017

Мастерство, подаренное свыше

А началось все ещё в давние школьные годы. Мы с Валерой учились в одном классе и дружили, что называется, от души. И действительно, многое нас объединяло: оба были выдумщиками и фантазёрами, оба что-то коллекционировали, экспериментировали, оставаясь в хорошем смысле чудаками. Обычно такие дети, не имея явных материальных возможностей, создают свои миры самостоятельно, делая их, что называется, на пустом месте, и подолгу живут созданным, постоянно развивая и расширяя его, внося особые, ведомые только им и их близким, уточнения. Так вот, «пустым местом» в тот весенний майский денёк оказался самый обычный лист бумаги, а точнее, не лист, а школьная тетрадь в двенадцать листов, которую Валера и предъявил для ознакомления, стоило мне только появиться у него в дверях. Содержимое тетради скорее поразило, чем просто удивило, потому как всё, из чего оно состояло, соответствовало книге – книге со всеми полагающимися для этого дополнениями: титульным листом, обращением к читателям и даже иллюстрациями. Да, мой школьный друг написал и самостоятельно издал книгу – тиражом в один экземпляр! И пусть это была просто тетрадь, но какова сама идея! Помнится, как он читал мне своё творение на кухне, а я с нескрываемым интересом и даже волнением слушал повествование о приключениях нашего общего знакомого, что придавало написанному ещё большую непостижимость. И хотя всё было вполне естественным для талантливых ребят, но событие даром не прошло, не исчезло в толще задорных юношеских лет, а вылилось в необычное продолжение.

Дело в том, что, издавая свою первую книгу (это случилось спустя почти четверть века) я вдруг совершенно неожиданно вспомнил о том замечательном случае. Уходя воспоминаниями в подробности происходящего на кухне, я вдруг понял, что увидел тогда Валеру писателем – да, именно самым настоящим писателем, что, собственно, и поразило меня больше всего. Не знаю, косвенно или напрямую, но таким образом Валера стал моим первым вдохновителем при проникновении в мир литературы. Дело в том, что пару лет спустя, учась в восьмом классе, я тоже начал писать нечто подобное и выпускать забавные «тетрадные» книги. Сегодня, когда у меня написано, издано и переведено на иностранные языки немало книг, я с удовольствием работаю с перспективными авторами, стремясь помочь им выпустить в свет свои произведения, при этом нередко вспоминая тот удивительный случай в нашей с Валерой дружбе.

То, о чём пойдёт речь дальше, случилось несколько лет назад. В один из летних дней, заехав ко мне в гости на дачу, Валерий неожиданно познакомил меня со своими размышлениями, взглядами и переживаниями, собранными им в весьма объёмном дневнике. Признаюсь, я был поражён тонкостью и немалым своеобразием сотворённого моим другом. Мне открылись самобытные, талантливые мысли-находки мастеровитого писателя, способные заинтересовать

многих. Тогда и было решено приступить к подготовке выпуска в свет созданного Валерой. Дело, замечу, ответственное и очень непростое. Показав рукопись своим знакомым, весьма именитым литераторам, и получив одобрение, я включил написанное в свой издательский план: таким образом мне посчастливилось поучаствовать в литературной жизни не просто моего друга, но и человека, который, по сути, когда-то стал, сам того не подозревая, невольным провозвестником всей моей дальнейшей писательской судьбы, возбудив во мне интерес к сочинительству.

Теперь несколько слов о содержании этой книги. Известно, что самую короткую рецензию на своё произведение получил французский писатель Виктор Гюго: на его запрос в издательство с текстом, состоящий из одного лишь знака вопроса, пришёл не менее лаконичный ответ – один восклицательный знак. Когда в книге нравится всё, лишние слова не требуются. Когда же в ней есть спорные моменты, прописные истины или новое и пугающее, нужно нечто большее, чем «палочка с точкой». Не один год знакомясь с трудами Валерия Киселевского, я неизменно приходил к выводу, что в них мне нравится почти всё. Особенно бросалась в глаза некая не то что новизна, а скорее самобытность его литературного почерка. Сам автор называл свои краткострочия виршами, что, надо отметить, весьма им подходит. Синтез афоризма, притчи, пословицы, пропущенных сквозь оттенки суфийских воззрений, вполне вмещался в это общее понятие – вирши, с разницей в том, что были они не религиозно-поэтическими, а несколько иными, как бы стоящими на грани между опусом и стихом в его древнем понимании. Верлибр, растворенный автором в лаконично построенных фразах и украшенный многочисленными словесными находками, преображался талантом Киселевского в нечто новое, что безусловно вызывало и вызывает интерес.

Несправедливо обвинять
в заимствовании того,
кто, увидев полёт птицы,
придумал, как взлететь самому.

Давно подметил, что авторы, которые работают интуитивно, отгалкиваясь лишь от собственного воображения, не следят за мимолётной конъюнктурой мира искусств, а потому при определении жанра их творений нередко возникают затруднения в их литературной идентификации. Сами того не ведая, и не проникая в пласты созданного их предшественниками, эти люди совершенно странным образом создают нечто новое, выходя на собственную дорогу и до конца оставаясь на ней со своим неподражаемым и весьма самобытным видением. Думаю, что таким образом и появляются своеобразные законодатели почерков и стилей. Знакомая с рукописями Валерия Киселевского, я совершенно не сомневался, что в моих руках труды именно такого человека. В какой-то момент я привлёк к работе над подготовкой к изданию его книги ряд литераторов, в том числе и писательницу Ирину Михайловну Соловьёву, обладающую особым чутьём и немалыми знаниями в области необычных литературных находок. Проведя вместе не один вечер за изучением записей Валерия Михайловича, мы окончательно убедились в новизне открытого им жанра. Пройдёт время и, вне всякого сомнения, данная манера найдёт место в рядах отечественной, а то и мировой афористики. У книги появятся свои исследователи, рецензенты, почитатели, а мой друг станет основоположником нового направления, когда писательская мысль, соединяясь с авторским экспериментом, перерастает в изящную афористическую вязь, как нередко называет свои работы сам Валерий Киселевский, более известный в творческих кругах как Лера Серебро.

Действительно – примадонна!

Творчество Аллы Пугачёвой я открывал для себя не одно десятилетие: видимо так, как открывают искусство даже не великих, а величайших мастеров. Первым, кто преподнёс мне её работы с некой предысторией, был мой одноклассник Сергей Арцимович, который ещё в 80-е годы собирал диски с её песнями, что меня, тогдашнего рокера, крайне удивляло. Откровенно говоря, ничто из того, что предлагал послушать Сергей, мне не нравилось, и так продолжалось почти до конца 90-х. Сохранилось воспоминание моей мамы из того времени, когда она работала в Московском областном суде.

Как-то раз в коридоре к ней подошла Алла Пугачёва – она была свидетелем по какому-то делу – и о чём-то спросила. «В тот момент, – вспоминает мама, – передо мной стояла миниатюрная, очень элегантно одетая, милая и скромная женщина... Рядом с нею был высокий, не знакомый мне, безумно красивый мужчина...».

И вдруг случилось чудо! То ли я повзрослел, то ли Пугачёва вышла из советской и постсоветской тени, но я вдруг осознал: то, как она запела, было не просто явлением, а явлением потрясающим. Одна за другой стали появляться песни настолько мастерские и по текстам, и по аранжировке, и по звукорежиссуре, да и по эстетической наполненности, что не полюбить их было просто невозможно. Безусловно, все они стали шедеврами отечественной эстрады, и Алла Пугачёва заняла законное и неоспоримое место примадонны – в том числе и для меня. Это сложилось не сразу, но сложилось абсолютно честно и естественно. И до сегодняшних дней в России она – вне конкуренции, видимо потому, что по каким-то неведомым причинам Алла Борисовна всегда умела и могла выбирать и строить свой репертуар: по сути у неё нет (почти нет) провальных песен. Она всегда была в авангарде эстрады, и даже сегодня искусство большинства молодых певиц просто меркнет в сравнении с тем, что создаёт отечественная прима.

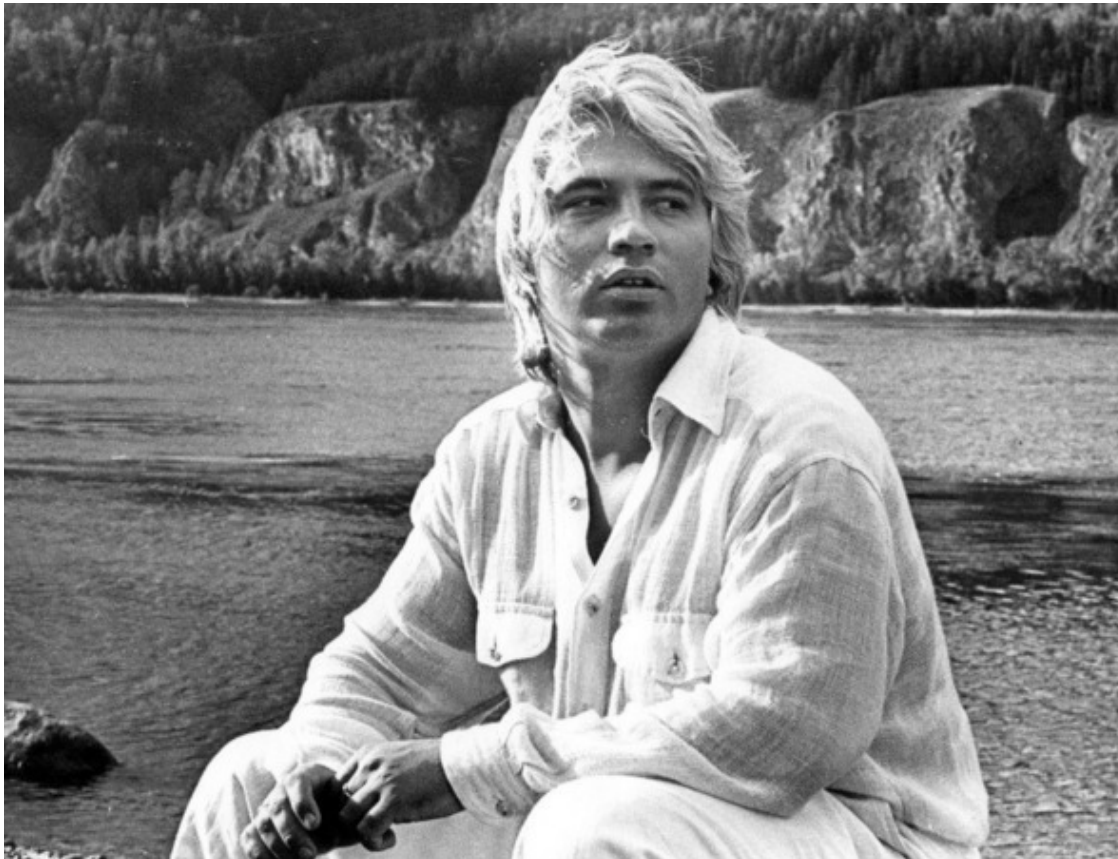
Когда-то, во времена своей принадлежности к хиппи, я любил играть на гитаре её «Бумажного змея», «Журавлика» и «Лето звёздное». Удивило, что слова и музыка последней песни принадлежат самой Алле Борисовне. А цикл песен, исполненных Пугачёвой в фильме «Ирония судьбы...» до сих пор никем не превзойдён. Ни одна кавер-версия не выдерживает никакого сравнения – меркнет пред оригиналом.

Заметил, что самый значимый виток в творчестве Аллы Борисовны произошёл, когда в её жизнь вошёл интеллектуал высшей пробы Максим Галкин. Думаю, что последняя корреляция «женщины, которая действительно поёт» произошла не без его советов и участия. Интеллигент, филолог и лингвист по образованию, ироничный и тонко организованный, он не мог не внести должных уточнений в обрамление высококаратного творчества своей супруги, и это случилось, что позволило её голосу зазвучать окончательно и неоспоримо хорошо.

В наше время много нового в эстраде: например, программа «Голос» демонстрирует порою удивительное умение молодых исполнителей владеть жанром, но то, что делает Алла Борисовна, пока не достижимо, а впрочем, это и не нужно. Что касается искусства примадонны, то дело, видимо, в глубине её души, в невероятном чутье и силе таланта, в его способности видеть и нести подлинную культуру исполнителя. Сегодня Пугачёва – это априори всегда хорошо! Постепенно и у меня сложилась своя подборка любимых песен в исполнении певицы, среди которых «Мне нравится...», «Опять метель», «Будь или не будь», «Этот мир придуман не мною», «Дай нам Боже», «Любовь, как состояние» и «Ты там, я там».

Как-то раз я целый вечер посвятил её творчеству: на очень хорошей аппаратуре я слушал песни в исполнении Аллы Борисовны разных лет и окончательно убедился, что среди женщин на эстраде ей равных нет и долго ещё не будет. Таких, как Алла Борисовна, время выращивает десятилетиями, и дело даже не в голосе, а в смелости, правде и убедительности её души, её творческой природы.

Памяти Дмитрия Хворостовского

Осенним днём слетались птицы,
Летели стаями на юг...
Вставляла новые страницы
Жизнь в книгу вечную свою

И на страницах продолжалась.
И то не важно, что свеча,
О невозвратности крича,
Задумой в этот раз осталась.

Но вслед за ночью шёл рассвет,
И был он необыкновенным:
Певца в свои объятия Свет
Брал, в скорби преклонив колено.

Не часовые, но часы
Стояли на часах, и ноты
Теперь уже своей заботой
Равняли времени весы.

Не просто голос – русский голос!

Не просто русский, а с душой!
На поле жатвы вызрел колос
Седоволосо-золотой —
Любви, до святости простой.

22 ноября 2017

Нравственно-публицистический роман Ирины Соловьёвой

Иногда, размышляя над бесконечным пространством литературы, задумываешься над тем, а каким должен и может быть современный роман. Имеет ли он право выходить за рамки привычной, свойственной ему художественности и вбирать в себя сухой, но не менее утончённый привкус документальности, в результате становясь чем-то иным, не потеряв при этом свойственного ему лица. Именно роман, в сравнении с другими литературными жанрами, наиболее полно выражает философско-этические искания современного человека, противоречия действительности, порой передавая их трагический характер.

Одной из важнейших задач Ирины Михайловны Соловьёвой, как писателя-публициста является то, чтобы правдиво изображать жизнь общества, жизнь человека, отношения между людьми. Оставаясь беспристрастной, не обходить трагических тем в угоду пуританской морали.

Родилась Ирина Соловьёва 12 ноября 1958 года в городе Ивантеевка Московской области. Окончила психологический факультет Российского Государственного Социального университета в Москве. По окончании занималась изучением вопросов самоактуализации личности, креативности мышления, свойственного творческим людям. Последующие годы посвятила исследованиям психологических основ творчества, уделяя особое внимание в своих трудах литературе, в частности, поэзии. Ряд книг писательницы был посвящён теме человека, его внутреннему становлению и поиску ответов на основные жизненные вопросы о смыслах бытия.

Герой очерков, статей и повестей писательницы – человек, наш современник. Углубляясь в изучение его жизненного пути, его взглядов, знакомясь с фактами и историческими документами, Соловьёва, мастерски владея способностью переплести сухую аналоговую документалистику с художественной образностью, создаёт для читателя максимальный эффект присутствия. Доминированием нравственно-этических оттенков над простым повествованием пронизано всякое произведение, созданное писательницей. Не составляет исключение и данный труд, вышедший в знакомой многим читателям тональности, которую автор не первый год использует для изложения собственных взглядов.

В своей новой книге «Вся жизнь – служение добру» писательница рассказывает о жизни и судьбе обыкновенного человека, показывая, как из самых простых, доступных каждому радостей, а подчас и печалей, тревог и забот, вырастает плод достойной и счастливой жизни, какой бы сложной она не казалась. Каждой новой страницей автор повествует, а порой и манифестирует о добре, поясняя через жизненную историю своей героини и всей её семьи, что добро не где-то, а в самом человеке. И если оно в человеке побеждает, то такой человек не может не вызывать симпатии.

Глубокий художественный анализ, привнесённый Соловьёвой в собственный роман, ещё и ещё раз убеждает, что человечность и добро даже там, где существует, а порой и торжествует их антипод, – не мечта и не химера. В чём-то и добро, и человечность сродни огню, погребённому под слоем холодного пепла отчуждённости. Но пепел мёртв, а огонь всегда жив. Это наглядно показывает писательница, следуя стезями своих героев: задержанный диверсант, спасённый с оторвавшейся льдины мальчик, распоясавшийся и остановленный во дворе хулиган...

Бескорыстное служение и букве, но прежде всего духу закона, делает публицистический роман Соловьёвой одним из звеньев этической литературы российской современности. Чуткость, такт, благодарность – вот те слова, которыми можно определить жизнеописание главной героини и всей её семьи.

Духовно-нравственный кризис всякого общества непомерной тяжестью обрушивается, прежде всего, на юные души. Прогрессивная гуманистическая литература во все времена противопоставляла этой тенденции другие, подлинные ценности. И в этой борьбе у литературы был и есть могучий союзник – сам человек. Особенно человек молодой, у которого впереди вся жизнь. Такова и героиня книги – Людмила Алексеева, с которой автор проходит вместе всю жизнь, высвечивая счастливые и горькие моменты этого далеко непростого пути.

Большая часть повествования этой книге посвящена детским и юным годам Людмилы, и это замечательно. Юность – прекрасный и окрылённый возраст, когда впереди любовь, дружба, творчество и осуществление смелых мечтаний, созидание того, что издревле называется ёмким словом «счастье».

Вполне допустимо, что нравственно-публицистический роман Соловьёвой – книга, не только излагающая факты исторических реалий, но и своеобразный учебник, пособие в доброделании для молодого поколения.

Для писателей-гуманистов, в ряды которых, вне всякого сомнения, входит Ирина Михайловна Соловьёва, свойственна строка, способная отстаивать святость человеческих привязанностей, внимать голосу совести и утверждать, пусть в малом, справедливость как залог сегодняшнего оптимизма и всякой надежды.

О творчестве Саши Вебер

Неуловимая, изящная, порхающая, как балерина, лишь слегка достающая кончиками своих строк до земли, российская поэтесса Саша Вебер (Александра Цибизова) как бы рождена для этого искусства, искусства словотворчества. В прошлом музыкант, исполнитель классической музыки на гитаре, она все свои нотки и обертона собрала и внесла в переливчатую и непростую гамму языка, создав свою, веберовскую литературную колориатуру.

Поиски и находки – вещи разные. Именно находки делают стихи Вебер зримыми, значимыми, запоминающимися. Верхнеоктавная лирика, прозрачная и независимая, льётся со страниц её поэтических тетрадей.

Мне грезятся те дни, в которых снежный сахар
Растает от тепла настигнувших лучей,
И вспенится вода, и разрезвится птаха
Триолями своих салатových речей.

Сила такого отзвука не может быть случайной, и поэтесса продолжает:

Пробудит первый лист цветное настроенье,
В восторженных мечтах вернутся журавли.
И разольётся свет сердечного волненья
Во всех, во всех началах Женственной Земли.

Есть в строфах Саши Вебер что-то бесхитростное и важное, и что-то ускользаемое, и недоговорённое. С кончиков пальцев своих утончённых рук и до почти неуловимой, всегда чуть смущённой улыбки эта женщина наполнена талантом поэтического волшебства.

Мне неведомо, как Саша начинала, каков был первый её опыт стихосложения, но в мой литературный цех, или как мы его ещё называем, в «Поэтическую словолaborаторию», Саша пришла с немалым литературным опытом. О таких учениках у нас говорят, как о подлинных коллегах. Саша – одна из них. Внимательная, быстро схватывающая суть звучания словесной лиры, верная урокам и делу, она буквально летала, а точнее парила в бездонной глубине поэтического неба. Промчались недели, месяцы, и как-то раз я не увидел в гнезде нашу Сашу. Нет, она не улетела, она сидела рядом и нежно, аккуратно выкладывала пёрышки своих произведений. Тогда я понял, что пришло время появления на свет нового поэта. Так оно и случилось. Сегодня Саша Вебер – известный лирик, она признана, она гастролирует и имеет своего читателя и слушателя. И, как говорится, дай Бог.

Истинных поэтов всегда отличает словесная многозеркальность, прихотливое словесное эхо. Строки Саши Вебер – верное тому подтверждение. Наивная мудрость, собранная в восхитительный и точный лирический мелодизм, следует по всему её творчеству. Предельная импрессионистская ясность и образная краткость, в которой сжато уложено сложно-колеблющее впечатление – это и есть лирика Вебер. Строки её бесшумно легки, воздушны, спаяны крепкой и очень живой рифмой.

Одна из особенностей поэзии Вебер – романтичность изображаемого. Мир, созданный ею, идиллиеоподобен, до невообразимого изящен и при этом реален как ничто другое. Если хотите, это – сказка в мире или миротворчество в сказке.

В картинной жизни февраля,
В пространной галерее стужи
Кружилась снежная Земля.
Зимы серебряные души

Впадали в крайности. Неслись

С потоком ветра в дали мыслей,
То уплывали стройно ввысь,
То, останавливались, висли

В экспромте собственных идей...

Тонкая, трудная и при этом необыкновенно понятная импровизация души... Надо заметить, что Саше Вебер в лучших своих работах удалось избежать манеры стилизации, что нередко свойственно романтическому направлению нашего времени.

В то время, как многих современных художников слова охватывает печаль и резкая, контрактурная, отчасти суровая форма изложения мысли, что, впрочем, и понятно, её поэзия легка и жизнелюбива. Поэтесса, несмотря ни на что, буквально с ласточковой стремительностью покидает туманные низины раздумий и существует, а более того, живёт в лазуревом счастье чистого неба:

И колыбельная мечта,
И тихих радостей услада,
И утро с чистого листа...
А что ещё для счастья надо?

Духовная эмблематика – сквозная и центральная тема во всём творчестве поэтессы последних лет. Молитвенная лирика её иногда сродни псалмам.

Осознанно лишая строфы каких-либо лирических величин, поэтесса таким образом добивается ажурности и прозрачности в изложении ощущаемых ею образов.

Интонационная манера работ последних лет соответствует вольному характеру мастера, её независимости, но при этом – никакой ветрености. Мастер никоим образом не лишает себя скромности, облакая строфы в едва заметную палитру пуританства.

Как считал Блок, слово дано поэту для «испытания сердец». Таким оно даровано и Саше Вебер. Время делает своё дело, и поэтическая лира Вебер звучит сегодня немного иначе, но также светло и с любовью. Однажды она написала: «Если начать делать добрые дела прямо сейчас, даже если в вашей душе пасмурное утро, то вечер обязательно просветлеет, и утро нового дня улыбнётся вам. А дальше вам начнёт улыбаться жизнь! Попробуйте. Я проверила, это – правда!»

И горький вкус, и сладкий вкус судьбы

Александр Александрович Кавалеров, актёр, прославившийся ролью одноглазого Мамочки в кинофильме «Республика ШКИД», родился 10 июля 1951 года в Ленинграде в неполной семье. Мало кто сегодня знает, что на самом деле настоящее его имя – Александр Семёнович Эпштейн. Видимо, люди, знающие ситуацию в кино изнутри (с еврейскими фамилиями в советских фильмах того времени сниматься было нелегко), посоветовали артисту взять псевдоним, чтобы облегчить себе жизнь в кинематографе. Александру даже не пришлось придумывать себе яркую, звучную фамилию: он просто взял фамилию матери – Кавалеров. С ней-то он и вошёл в историю отечественного кино.

Мать, Александра Петровна, родила Сашу в 26 лет, растила его одна и дала ему не только свою фамилию, но и отчество по своему имени, так называемый матроним.

В мир искусства Кавалеров пришёл по всем меркам рано. Уже в три года он спел на эстраде свою первую песню – «Называют меня некрасивая». А в семь на одном из концертов конференсье представил его как мастера художественного слова, и сам актёр, вспоминая об этом, говорил, что «это было безумно смешно и здорово». В этом же возрасте, случайно попав на съёмочную площадку, он снялся в фильме «Балтийское небо» в роли исхудавшего ленинградского ребёнка-блокадника. После удачного дебюта в кино Александр, продолжая учиться в школе, несколько раз снимался в эпизодах, принимал участие в дублировании.

Надо сказать, что в школе дела его складывались не настолько радужно по сравнению с кино, потому что Кавалеров был, как бы сказали сегодня, не просто озорником, но отъявленным хулиганом. Таких не любили ни учителя, ни дети, ни их родители. Их выгоняли из класса, били целыми компаниями, но и они, эти самые хулиганы, и сами были не промах: шли в одиночку на свору, дрались самозабвенно, до победного конца, и никогда не сдавались. В меру вредные, в меру благородные, они выживали как могли. При этом многих из них нельзя было не любить, хотя бы потому, что они, бывало, совершенно неожиданно помогали учителям там, где отличники просто дрейфили. Впрочем, ненависть это пацанье у тех же учителей вызывало тоже немалую: и за сорванные уроки, и за постоянную нервотрёпку, и за неотвратимость разбирательств с родителями пострадавших хорошистов. Таким был и герой моего повествования – Саша Кавалеров. Худенький, неказистый, постоянно старающийся обратить на себя внимание, он, как маленький Наполеон, уже тогда грезил о своей Жозефине, и может, именно поэтому устраивал непомерно скандальные подвиги, дабы однажды выбранная им юная мадмуазель хотя бы улыбнулась ему, вздохнув вдогонку разбившему стекло шалопаю, когда его за ухо потащат к директору на заклятие...

Вне всякого сомнения – всесоюзная известность к юному артисту пришла после роли Мамочки в кинокартине режиссёра Геннадия Полоки «Республика ШКИД». И опять – совпадение... Для съёмок фильма нужны были истощавшие дети. Подруга и коллега Сашинной матери по народному театру, когда увидела её сына, сразу же дала совет привести его на пробы. Надо сказать, что сначала в «Республике ШКИД» мальчику хотели дать роль постоянно голодного Савушкина. Но режиссёр случайно услышал в исполнении 15-летнего Саши песню из репертуара знаменитого итальянского певца Робертино Лоретти и... юного артиста немедленно утвердили на роль беспризорника Мамочки.

В 1966 году на экраны СССР вышла окончательная версия «Республики ШКИД», щемящей сердце картины о малолетней гольтыбе, о надрывной душевной боли бездомных пацанят и о исполненных благородного долга пред ними воспитателях. А пятнадцатилетний Саша Кавалеров стал воистину всенародным любимцем. Особенно его любили дети и женщины, которые всегда жалели бедного одноглазого парнишку. Признаюсь вам, что и я был тогда на их стороне.

В какой-то момент Мамочка стал мне видаться ещё одним героем, присоединившимся к великолепной четвёрке из фильма «Неуловимые мстители». Мне казалось, что место его рядом с ними: с Данькой, Валеркой, Ксанкой и Яшкой-цыганом – став пятым, он бы мог замкнуть недостающим лучом звезду. А сниматься в роли Мамочки, исходя из наработок в реальной жизни, юному актёру Саше Кавалерову, видимо, было легко.

«Всё моё детство – вспоминает он, – проходило точно так же, как у моего героя. Я был таким же нормальным хулиганом, как все ленинградские дети, которые были предоставлены сами себе и росли без надзора. Я ещё раз хочу сказать: нормальные хулиганы, а не бандиты, как сейчас говорят».

* * *

После проката «Республики ШКИД» пробка искристого шампанского была выбита успехом окончательно: деваться было некуда, а значит, надо было пить вино. Теперь уже Кавалерова постоянно приглашают в кино, где он играет в основном озорных, не унывающих, но мало-симпатичных в поведении подростков. Имея специфическую внешность оторвыша, угловатую фигуру и лицо явно несмазливое, он, тем не менее, становится едва ли ни самым известным ребёнком-актёром в советском кинематографе. Режиссёры снимают мальчугана, как говорится, наперебой, в год выходят по два, а то и по три фильма с его участием. Фильмография артиста в те годы просто поражает своей насыщенностью. В 1966 году пятнадцатилетний Саша играет петроградского беспризорника в фильме «Начальник Чукотки», в 1967 году – пленного диверсанта в кинокартине «Женя, Женечка и Катюша», затем – капитана волейбольной команды в фильме «У моря, где мы играли», в 1968 году – Сашку-беженца в «Любви Серафима Фролова», Юру Пантюхина в «Мужском разговоре», а в 1969 году восемнадцатилетний Кавалеров, по внешности едва дотягивающий до восьмиклассника, играет brutального хулигана Сморыгу в «Мальчишках». Далее был фильм «О любви», затем вышли на экраны «Приключения жёлтого чемоданчика», «Минута молчания», «Горячий снег», «Пока бьют часы» и многие, многие другие фильмы... Позволю себе заметить, и, думаю, что многие меня в этом поддержат, что даже отрицательные персонажи у Саши были невероятно обаятельными. Кстати, его вокальный дар, а у Кавалерова был хороший тенор, тоже был востребован в кино: в 1967 году он исполнил песню Булата Окуджавы «Капли датского короля», вместе с автором, в картине «Женя, Женечка и Катюша».

Семья Кавалеровых всегда жила скромно, с трудом перебиваясь на небольшую зарплату матери, но слава, как известно, предъявляет свои требования к отобранным ею любимчикам, и в 1976 году, набравшись сил и укомплектовавшись амбициями, Александр решает поступать учиться во ВГИК на курс Льва Кулиджанова. Он вспоминал о том, как пришёл поступать

к нему в гриме, с гитарой... И Лев Александрович спросил: «Не хочешь ли у меня преподавать?» Ответом были слова: «Хочу учиться, иметь диплом, нужна школа...».

Увы, но учиться у Александра не получилось. Это был период, когда он особенно много снимался, и времени на обучение у него попросту не было.

Оглядываясь назад, трудно не согласиться, что Кавалеров, безусловно, был ярко выраженным характерным актёром, органичным и уместным как в главной роли, так и в любом эпизоде. Худощавого телосложения, длинноносый, он обладал необычайным обаянием, благодаря чему даже отрицательные персонажи в его исполнении получались во многом симпатичными. Отмечу, хотя это можно легко обнаружить в фильмах с его участием, – Кавалеров имел большой музыкальный талант. С детства обладал развитым певческим голосом теноровой природы, исполнял романтические и лирические песни. Голос Кавалерова в мальчишеском возрасте – это ясный задорный дискант с небольшой очаровательной хрипотцой, которая никого не могла оставить равнодушным.

* * *

«А наяву служить звездой – и горький дым, и горький чай...», – спел когда-то Борис Гребенщиков. Но тот, кто когда-то стал называть талантливых людей звёздами, видимо, не думал о том, что всякой звезде суждено погаснуть... С начала восьмидесятых актёра перестали приглашать на съёмки, и почти десять лет Кавалеров оставался не у дел. Голос его поменялся, да и внешность не соответствовала олимпийским канонам тогдашнего соцреализма. Лишь в начале 1990-х годов к нему вновь стали поступать предложения сниматься, но это были эпизодические роли в сериалах, не стоившие даже и мизинца всеюдно легендарного Мамочки. И все-таки до последних лет своей жизни Александр Кавалеров играл, но уже на сцене театра эстрады «Бенефис» (Санкт-Петербург).

Тем не менее, судьба, так ярко высветившая Сашу в детстве, стала неумолимо беспощадна к Александру взрослому. В начале третьего тысячелетия в эфир полезли скандальные программы, в которых ведущие наперебой говорили, что Кавалеров спивается, что он стал бомжом и жил по подвалам и чердакам. Его личная жизнь была достаточно запутанной. Неизвестно по каким причинам, но мало с кем из женщин Кавалеров жил долго. Впрочем, дети у артиста все-таки были – шестеро по разным лавкам. И всё же до конца жизни Александр Кавалеров не оставлял надежды найти свою суженую. Последняя, особа, видимо, из таковых, в ком он видел музу, отняла у него трёхкомнатную квартиру в Петербурге, но неунывающий Мамочка все-таки собрался с силами и, поставив на кон оставшуюся надежду, принял участие в программе «Давай поженимся» в качестве жениха. Удача вроде бы улыбнулась ему, и барабан рулетки выпал на очередную царевну Будур... Но, увы, ушёл он из студии один: «невеста» решительно отказала 59-летнему кавалеру Кавалерову.

Последние годы жизни актёр сильно болел. Вся его маленькая пенсия уходила на лекарства. Александр заметно ослаб и ходил, опираясь на палочку. Тогда-то он и написал письмомольбу о помощи, которое собирался отправить кинорежиссёру Никите Михалкову, известному своей сердобольностью в отношении братьев по цеху. А время шло: эпизодически снимаясь в одиозных ток-шоу, Кавалеров охотно рассказывал, что бывшая жена не даёт ему видеться с детьми, что он перенёс многократные инсульты, ослеп на один глаз и стал инвалидом; показывал операторам технические этажи, мусоропроводы и нежилые помещения домов, где он обитает теперь. Сетовал на то, что даже с пенсии по инвалидности у него удерживают алименты на содержание малолетних детей. Но речь не об этом...

* * *

У актёров есть немало своих поверий и примет: так, например, мало кто из них соглашается лежать в гробу, играя покойника, и на это, надо сказать, у многих есть свои доводы. А звёздная роль Александра Кавалерова состоялась не в образе пятнадцатилетнего капитана или Тимура со всей его командой, а в образе беспризорника Мамочки. Не случилось ли так, что невидимая река киноленты захватила Александра Александровича в свои объятия и унесла

его темными, неподвластными пониманию смертных, водами в этом самом образе, но только по жизни. Уж больно очевидно все сложившееся. Обстоятельства нередко выше воли.

Он не боролся с фатумом, хотя известно, что перед смертью пытался сменить фамилию матери на отцовскую – Эпштейн, выступал с песнями в еврейской одежде в еврейских культурных центрах. Однако мать артиста была по национальности русской, а потому евреем, правда, неизвестно зачем, ему стать так и не удалось.

Незадолго до смерти Кавалеров попал в Александровскую больницу, где 17 июня 2014 года на 63-м году жизни и отошёл в жизнь вечную. Похоронен он на Киновеевском кладбище. Примечательно, что кладбище получило своё название от домов Киновеевского братства. Само слово «киновия» по-гречески означает «общая жизнь» – так раньше называли особый вид монастырей, братия которых состояла на полном обеспечении монастыря, и по сути это был аналог детского дома для беспризорников.

Заканчивая очерк, я решил включить его в цикл своих радиопередач из цикла «Культурное наследие России». Обычно все мои программы завершаются либо музыкой, либо песней. Признаюсь, некоторое время я не мог решить, какой именно песней в исполнении Кавалерова стоит завершить свою программу. Их не так много, но все они достойны и на редкость проникновенны. На ум приходили в основном песни из фильмов о беспризорниках, но не уходило ощущение: что-то не складывается в окончательном образе артиста. И тогда пришла на помощь иная песня, и она, на первый взгляд, не имела прямого отношения к его жизни. Но именно ею я и решил завершить программу, посвящённую Александру Кавалерову. Признаюсь, что лучшего исполнения этой очень известной песни не слышал.

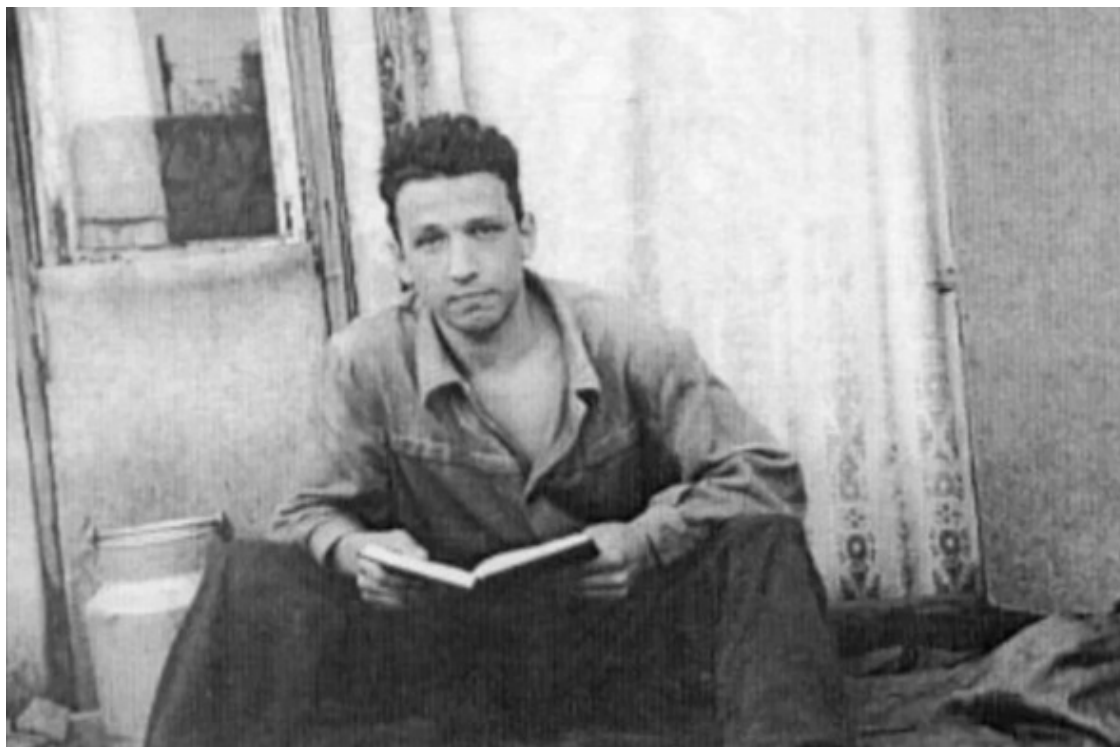
Ещё раз прослушивая фонограмму, прежде чем отдать её звукорежиссёру, я вдруг понял, что это песня о нём, о Саше Кавалерове! Не буду объяснять почему, возможно, это дело личного восприятия, а потому – просто слушаем.

С вами была программа «Культурное наследие России» и я, её автор и ведущий Терентий Травник. Всем вам – всего самого доброго, а актёру и человеку Александру Кавалерову – вечная память!

Звучит песня «Там в дали за рекой загорались огни...».

Они сгорали за Родину: 30-35-42-28-27...

Облачность, равно как и тьма, не свойственны духу, а потому, пусть и через десятки лет, но уступают место свету. Вне всякого сомнения, что с середины девятнадцатого века отечественная лира начала набирать силу и вслед за гением Пушкина и Лермонтова зазвучали струны-строфы поэтов-народников Леонида Третьякова, Ивана Сурикова, Алексея Апухтина и других.

На фотографии Борис Рыжий (1974—2001)

Поэтическое слово на Руси – дело, надо сказать, особое, потому как опара для него получается замесом родного языка, широты русской души да любви Божией. Вот потому глубоко и прорастает слово это – если честно оно сеяно, то в самое сердце народное корни свои пускает. Да и разве могла русская поэзия быть иной при таких начальных условиях? И да, и нет, но, выкормленная и сухарями, и караваями, с девятнадцатого века к первой половине двадцатого она все-таки сумела заговорить с народом на его родном языке. Заговорила слёзно и лихо, метко и хлёстко, пронзительно заговорила со снобами стихосложения и с пишущими интеллектуалами, и с теми, у кого поэзия – ради поэзии, со всеми лириками и слагателями. Быть же поэтом народным – статья расстрельная, и это обязывает...

Как среди цветов есть и полевые, и садовые, так и в русской ритмико-рифмической словесности присутствуют им подобные, но только не цветы – авторы. Будучи разными, и те, и другие стремятся к одному: к воле и свободе, без коих невозможно словотворчество на этой земле, а ещё – к правде. Здесь же речь пойдёт о полевых...

Удивительно все-таки, насколько своевременно посылает Небо вестников совести на русскую землю. Приходят они из народа и остаются с ним на века. Есть оно в каждом из них – это щемящее и почти надрывное единство, единение в том, как отдавали и отдают они себя – полностью, без остатка, принося свою жизнь в жертву служению. Их было немного, но они

приходили вовремя, но, увы, почти всегда не ко двору: уж больно ёмкими и глубокими оказывались их души. И все же они не только были, но и... есть.

Раздвигая завалы революционного оползня, в России появляется «подрязанец» Сергей Есенин – наивный и трогательный, полный романтизма златовласый и голубоглазый бунтарь. Явный и, пожалуй, первый представитель российского полевого соцветия. С него, с его стихов, с его жизни – горькой и бесшабашной, полной чувств к женщине, к Родине, да и к самой жизни начинается истинно русская народная поэзия. Такого она выбирает для себя, такой она остаётся и будет с каждым, кто примерит её домотканую терновую рубаху, скроенную из бунтарства, пьянства и не по годам ранней смерти... Отныне народ не может без своего поэта, и дальше дело за малым – вымолить, упросить Небеса послать нечто подобное, точнее, кого-то... И Небеса слышат, и Небеса посылают.

Гения Есенина хватило на десятки лет. Он сумел воскреснуть в своей лире. Увы, но война не дала состояться поэтам такого уровня, она их просто убила, но они, уверен я, были народными, и сохранились их имена: Павел Коган, Борис Смоленский, Николай Майоров... Кто-то из них был из полевых. Вот только война оборвала путь... Но незадолго до её начала один за другим – первый в январе тридцать шестого, второй в январе тридцать восьмого – пришли Николай Рубцов – с вологодчины, и москвич Владимир Высоцкий. Оба были из полевых, но заговорили они в шестидесятые, и опять слава и... пьянство, дерзость и запредельная самоотдача пошли рука об руку с ними. На этот раз у Высоцкого нашлась ещё и гитара, и тогда песня сделала своё дело – разлетелась по свету, а с нею и слово поэта. Оба ушли из жизни молодыми: Рубцов — в тридцать пять, Высоцкий – в сорок два...

И опять Русь замерла в ожидании и вновь стала просить своего, народного поэта, и он появился, теперь уже в восьмидесятые. На этот раз эстафету принял череповчанин Александр Башлачёв. С этим невысоким, худым пареньком в страну пришло недолгое «время колокольчиков», что звенели с беспощадной жадой правды, надломом, надрывом...

И снова – пьянство и ещё более ранняя смерть поэта: в двадцать восемь. Башлачёв не дожил ни до развала Союза, ни до лихих, скорее позорных, девяностых. Он сгорел раньше, ушёл, оставив свет сотням и тысячам его попутчиков. Больно и горько, но лихое время не терпит пустоты, и к началу девяностых выводит на авансцену своего нового Леля, выводит на заклание. Теперь им становится челябинец Борис Рыжий. Лучший, как мне кажется, поэт своего поколения. Недолг век цветов полей, и гениальный поэт уходит из жизни в свои двадцать семь, оставив в посмертной записке: «Я всех вас любил. Без дураков».

Со дня смерти Бориса Рыжего прошло почти двадцать лет. А есть ли сегодня тот, кто из них, тех самых цветов полей – цветов России? Есть ли честный, открытый, простой... русский человек-поэт. Не хочется думать о плохом, а потому все равно ищу, ищу – ищу и нахожу: и теперь это питерец, точнее ленинградец, как он себя называет. На Руси снова есть поэт – человек без амбиций и честолюбия, светлый, искренний и снова простой: все сходится – жив курилка! Зовут его – Игорь Растеряев. Говорить о нём можно долго, но всё-таки его надо слушать, а лучше ещё и смотреть... Смотрю, слушаю и понимаю, что не ошибся – он самый!

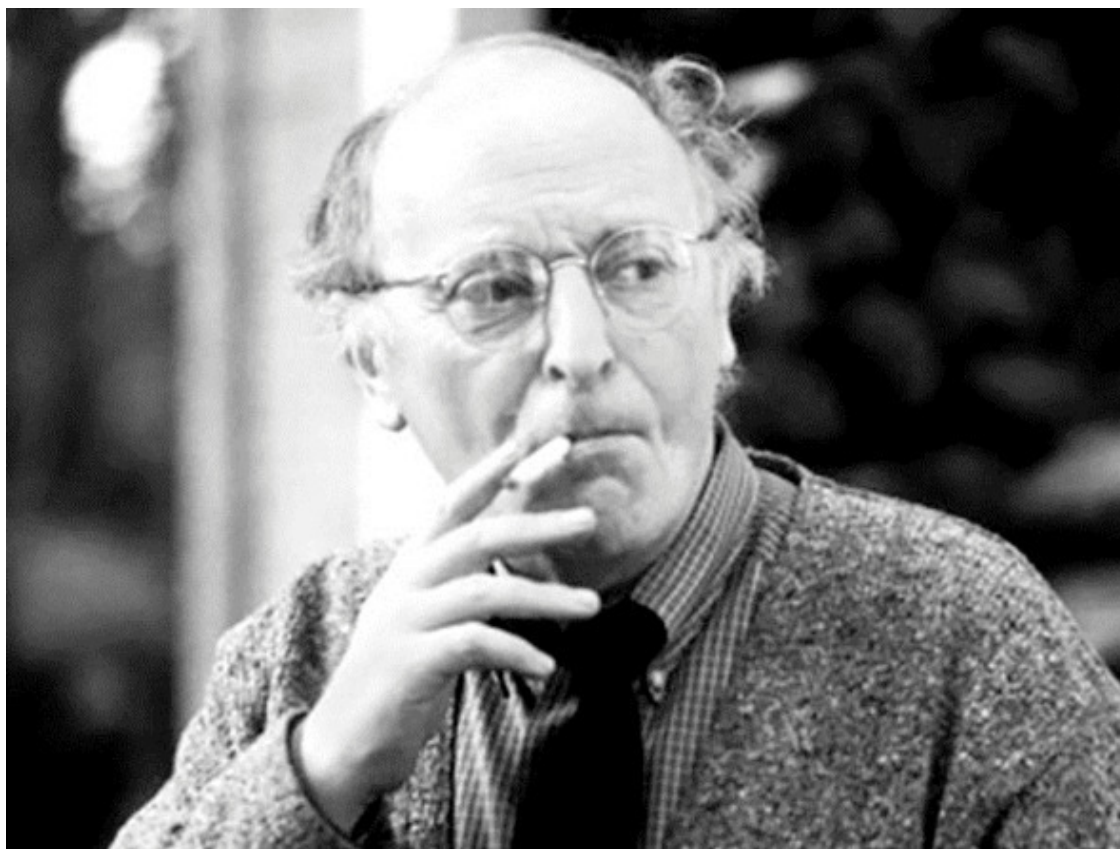
Бог милостив – сегодня в России вновь есть поэт, самый настоящий народный поэт! А значит, он и принял эстафету и продолжил, по его же словам, «...самый главный бой за звание человека». Так пусть же будет все хорошо, Игорь! Так, как и должно быть...

Четыре поэта и... Россия

Удивительно, что в комментариях к творчеству Игоря Растеряева в основном пишут о русской душе, о просторах родины, но мало – о стихах, а это ведь поэт, причём очень талантливый и самобытный поэт. И дело вовсе не в рифмах и не в теме, а прежде всего в свете его души, подлинной поэтической души. Я бы поставил имя этого человека в такой ряд: Есенин – Высоцкий – Башлачёв – и Растеряев... Ни это ли есть самый настоящий русский поэтический крест. Все они были и есть не просто мастера слова, но самые настоящие хранители русскости в евразийской культуре. Мне кажется, что было бы наисправедливейшим, если бы Игорю уже сейчас дали звание «Заслуженный артист России». Многие бы встало на свои места, и если этого пока нет, то что-то «не так, ребята, что-то не так». А впрочем, этому человеку не нужны ни залы, ни стадионы – его выберет народ... уже выбрал.

«Плывёт в глазах холодный вечер»

Так и хочется начать писать о Бродском с его строки «Плывёт в тоске необъяснимой...», но далее не продолжать, потому как далее речь пойдёт совсем о другом.

Оказывается, есть гениальная поэзия, напрочь лишённая любви. Кто хочет в этом убедиться, пусть читает Бродского. Так бывает, если позволить интеллекту править душой. Каким-то образом Бродскому удалось не только, «не выбирая ни страны, ни погоста», раздвинуть рамки гармонии и зарифмовать всю литературу в свой личный поэтический формат, но и доказать, что такая поэзия очень даже живуча. О таких стихах преступно говорить, что они не нравятся, но сказать, что нравятся, пожалуй, было бы странным. Тем не менее Бродский принят литературным миром, особенно его снобистской надстройкой. На сегодня в России он – один из немногих мастеров, кому подражают, и это факт. Подражают неудачно – а впрочем, всякая копия остаётся не более чем копией. Вся современная молодёжная поэтическая школа – это Бродский и ещё раз Бродский. Нет Сола Моновой, но есть Бродский, почти нет Веры Полозковой, а есть все тот же Бродский. Увы, нет эстетствующего херсонца Андрея Орловского, но есть то, о чём говорят, как о писанном под Бродского. Я не говорю, что мне не нравится творчество Полозковой, но мне приходится в нем её же и отыскивать. Слава Богу, что нахожу.

Безусловно, Иосиф Александрович масштабен, а потому трудно, думая в его сторону, не попасть в его же манеру и стиль, промазав разве что в мастерстве. Вообще-то Бродский вместе со своими стихами – это сплошная претензия, переданная по этапу и дошедшая до нашего поэтического молодёжного форума. Если хотите попробовать исполнить, то есть прочесть его стихи, то читайте их с небрежением в голосе, устало, надменно и независимо. В своё время у одного из моих друзей где-то с полгода жил Михаил Козаков. Они вместе в то время делали программу, в которой актёр читал Бродского под саксофон Игоря Бутмана. Мне посчастливи-

лось слушать чтение мастера приватно: прямо на кухне у своего друга в одной из московских квартир. Помню, как Михаил спросил у меня: «Терентий, а тебе нравится Бродский»? Я прямо ответил, что нет. Маэстро – как-то задумчиво – отреагировал: «А зря... Тебе ещё предстоит с ним столкнуться лоб в лоб...». И предложил выпить... Потом он читал стихи, читал изумительно, читал так, словно бы хотел прямо сейчас услышать от меня обратное, но я молчал: мне действительно Бродский тогда не нравился... И по-прежнему, теперь уже слушая эти стихи в исполнении Козакова, я видел в них ту же самую задумчивую отрешённость с претензией на собственную исключительность. А может, так и надо? Не могу сказать точнее, но без декадентства в этой поэзии не обошлось, а потому, видимо, и подхватила его манеру написания современная молодая поэтическая индустрия. В нынешнем обществе, расщепленном превозношением денег без какой-либо духовной ориентации, Бродский, как никто, уместен, и это несмотря на то, что в наследии советских поэтов есть много не менее выдающихся произведений, достойных для подражания.

Бродский не дожил до своего посттриумфа, но его стихи, перемолотые обстоятельствами времени и места, остались на устах у многих. А в завершение – немного прекрасного из Бродского, где все же чуточку, но позволено быть любви:

Плывёт в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу жёлтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

Плывёт в тоске необъяснимой
пчелиный хор сомнамбул, пьяниц.
В ночной столице фотоснимок
печально сделал иностранец,
и выезжает на Ордынку
такси с больными седоками,
и мертвецы стоят в обнимку
с особняками.

Плывёт в тоске необъяснимой
певец печальный по столице,
стоит у лавки керосинной
печальный дворник круглолицый,
спешит по улице невзрачной
любовник старый и красивый.
Полночный поезд новобрачный
плывёт в тоске необъяснимой.

Плывёт во мгле замоскворецкой,
пловец в несчастье случайный,
блуждает выговор еврейский
на жёлтой лестнице печальной,
и от любви до не веселья

под Новый Год, под воскресенье,
плывёт красotka записная,
своей тоски не объясняя.

Плывёт в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льётся мёд огней вечерних,
и пахнет сладкою халвою;
ночной пирог несёт сочельник
над головою.

Твой Новый Год по темно-синей
волне среди моря городского
плывёт в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнётся снова,
как будто будет свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнётся вправо,
качнувшись влево.

Читаю и слышу её, ту самую любовь. Но куда-то же она потом исчезла! Может, обиделась? О, это может быть, ибо есть на что: к тому времени Бродскому уже дважды – зимой 1964 года – пришлось лежать на так называемом «обследовании» в психиатрических больницах, что было, по его словам, страшнее тюрьмы и ссылки. Бродский принимает решение об отъезде... И любви не стало...

Скоро можно будет отмечать шестьдесят лет с тех пор, как в СССР появился указ о борьбе с тунеядством. Согласно этому указу лица, не работавшие более 4 месяцев в году и живущие на нетрудовые средства, подлежали уголовной ответственности. Самым громким процессом, связанным со статьёй о тунеядстве, стал суд над Иосифом Бродским. Именно после него Анна Ахматова воскликнула: «Какую биографию делают нашему рыжему!»

В этом году мне исполняется 55 лет... Столько же было Бродскому, когда он ушёл из жизни. Рано ушёл поэт, у которого сначала отняли Родину, а потом эта Родина забрала у него любовь... Сегодня кого-то это может удивить, но меня тоже в своё время хотели привлечь за тунеядство по причине того, что я просрочил неделю, не успев устроиться на новую работу после ухода со старой. После этого меня просто-напросто никуда больше не брали – за исключением места ночного грузчика на станции Москва-сортировочная... Мне, как и Бродскому в день суда, было 23 года.

В тоске по непогоде

Помню, как-то раз, при небольшой дружеской встрече, Виктор Цой исполнил песню «Солнечные дни», в которой он сетовал, рассуждая о том, как ему хочется избавиться от «тоски по вам, солнечные дни». Запись, сделанная тогда на кассетник, хранится у меня до сих пор. Помню, как сказал ему, прослушав эту запись, что у меня – всё с точностью до наоборот, и тогда Виктор, улыбнувшись, почему-то ответил мне, что так оно у поэтов обычно и бывает. Стихов я в те годы особо не писал, сочинял в основном песни, но сказанное запомнилось... Нет-нет, да и всплывёт в моей памяти эта картинка из юности, отзовётся на всякую то плохую, а то и хорошую погоду: видно, крепким было словцо Виктора, и таковым оно осталось по сей день.

Их было трое... Три питерских богатыря, три подлинных носителя всех устремлений среди думающей молодёжи того времени: Борис Гребенщиков, Майк Науменко и Виктор Цой. Философ-эстет, поэт-реалист и певец-романтик – все трое навсегда вошли в российскую, да и в мировую культуру. Двоих из них давно уже нет в живых, и да будет им вечная память, а Борис Борисович ныне здравствует и продолжает сеять «разумное и вечное» на интеллектуальной ниве нашей необъятной Родины. И пока существует в стране такой пахарь и сеятель, никакой ранний или поздний олигархат ей не грозит, так что доброго здравия вам, мил человек, да силёнок побольше. Хотелось бы продолжить, но речь все-таки поведу не об этом.

Сегодня мне знакомо немало людей, что грустят при плохой погоде и с нетерпением ждут хорошую, и любят её, и я их очень хорошо понимаю. Такая погода – это всегда возможности, это дела, это свобода к действиям. Подобная эмоциональная настройка вполне может считаться общепринятой и верной.

Но я вот с детства не люблю солнечные дни. Возможно потому, что родился в самую короткую ночь в году, сразу через несколько минут после летнего солнцестояния. Странно,

но ясные дни, вопреки общепринятому мнению, совершенно не разгоняют мою хандру, если таковая присутствует, а как будто ещё больше её высвечивают, точнее, вытесняют во мне тревоги и печали, словно бы без спроса открывая моей душе все её неблагополучия. И если-таки случается, что от хорошего солнечного утра и следующего за ним такого же денька мне все же становится неожиданно хорошо, то это, по моим наблюдениям, явный признак того, что дела моей души хоть как-то и хоть в чём-то, но наладились.

«Солнечные дни» Виктор написал примерно в 1982 году. Года через два у него появилась песня о дожде. И в припеве есть слова о том, что он «...слышит дождь. И этот дождь – для нас». Услышав это, я почему-то сразу вспомнил его слова о поэзии...

В 1990 году Виктор погиб, так навсегда и оставшись в памяти народной менестрелем, певцом-романтиком, в коем лишь немного приоткрылся, забрезжил свет замечательного в будущем поэта, разбудившего уже тогда десятки, а то и сотни молодых людей своими песнями-стихами, ждущего и жаждущего перемен и всё-таки так навсегда и оставшегося со своей «группой крови на рукаве» в той самой траве, о которой он всех нас так искренне предупреждал...

Несколько слов о фильме «Годунов»

Всегда избегал писать рецензии на фильмы и спектакли, но большое количество писем с просьбой высказать мнение об этом фильме обязывает, а потому отвечу, но при этом буду краток и ограничусь лишь общими замечаниями.

Скажу сразу, что фильм очень хороший, и если вести отсчёт с начала перестройки, то, пожалуй, это первый из исторических фильмов, от которого меньше всего веет малобюджетным новоделом. Снимать подобные картины есть немалая смелость даже при уповании на талант артистов – можно опозориться на всю жизнь. И потому спешу выразить моё искреннее уважение режиссёру Алексею Андрианову – задача решена полностью! Игра артистов замечательная, несмотря на провальный (на мой взгляд – почти весь) ряд женских ролей. Все-таки не хватает нынешним отечественным артисткам фактурности и глубины: везде просту- пает ряженность.

И как актриса ни посмотрит, каждый её взгляд – века нынешнего, а не того, который изображён на экране. Критиковать далее не стану, но не могу особо отметить ни одной женской роли, а вот среди мужчин порадовали и поразили Андрей Мерзликин, Сергей Маковецкий, Александр Горбатов, Евгений Ткачук (потрясающая игра!) и, конечно же, особо любимый мною Александр Устюгов: ему следует дать награду – изумительно сыграл. Работа актёра превзошла своим мастерством все ожидания, и особо это касается мимики. А в целом фильм смотрится как единое целое, и команда – явно в победителях.

Что касается исторических совпадений и несовпадений, то следует признать, что картина не без ляпов, но, думается, все они с лихвой компенсируются общей эстетикой фильма. Правда, эта изобразительность в большей степени напоминает средневековую Европу, нежели Русь, что, собственно, не делает картину хуже, а во многом даже и украшает. Удивило отсутствие характерной «горлатной» высокой шапки на боярах, а это ведь основной головной убор того времени. Даже в иллюстрациях к сказкам он присутствует. Кстати, выйти на улицу без шапки в то время было для знатного человека позорно, здесь же многие, так сказать, простоволосые. Впрочем, отдам должное художникам-гримёрам: что ни говори, а бояре просто красавцы. А то, что почти все они (это не соответствует действительности) длинноволосые, не вызывает желания критиковать, потому как выглядят актёры при этом весьма привлекательно. И все-таки Русь в то время была бритая, а длинные волосы являлись особенностью облика лишь православного духовенства. Сам Годунов на экране с самого начала действия носит усы и бороду. Хотя по источникам того времени известно, что в молодости он брился и отпустил бороду лишь в зрелом возрасте – для солидности. Но и на это стоит закрыть глаза: образ царя, созданный Сергеем Безруковым, без бороды мог бы просто-напросто провалиться, хотя играл артист на полную выкладку. Откровенно говоря, на роль Годунова можно было бы взять кого-то и постарше, и покряжистой, а потому не могу назвать игру Безрукова выдающейся – видимо, просто не его роль. Что касается Грозного, то в соответствии с изображае-

мыми событиями ему должно быть где-то лет сорок с небольшим, в то время как на экране он выглядит на все восемьдесят. Вероятно, образ скопирован с известного портрета работы Марка Антокольского, а потому иногда больше тянет на колдуна или сказочного чародея, а не на царя.

В целом же идея картины замечательная. Да и вообще было бы неплохо государственной казне раскошелиться и дать возможность талантливым людям экранизировать историю государства российского по Костомарову, Соловьёву или Карамзину полностью, и желательно с этим же режиссёром и составом актёров. Увы, все предпринятые ранее потуги снять нормальный исторический фильм оставляли желать лучшего. И вот – наконец-то! – лучшее, будем надеяться, появилось.

Ас-салям алейкум – и вам мир!

В 2007 году ушёл из жизни мой отец, Аркадий Павлович, горячо любимый и навсегда дорогой моему сердцу. Мне в ту пору исполнилось сорок три. Помню, находясь в скорби, в одном из стихотворений я написал:

Сорок третий – год военный,
До победы ещё два...

Прошло два года, наступил 2009-й, но ничего особенного не случилось: творчество моё продолжалось, всякого рода события шли своим чередом...

Прошёл ещё год, за ним два, пять, десять... И вот сегодня, поминая отца, я совершенно неожиданно вспомнил эти строки вновь. Так о какой победе я тогда говорил? Что должно было случиться со мной, случиться в моей душе, чтобы я смог сам себе сказать: вот она, победа!

За эти годы произошло немало удивительных встреч, созданы замечательные программы для радио, прочитан не один цикл лекций, написано и издано немало книг... Вращены достойные ученики и продолжатели, но ни о какой победе и не думалось, и речи о таковой не ведётся и сегодня. Что случилось? Неужели я сошёл с творческой дистанции, хуже – списан с неё?

Есть у меня один знакомый, узбек, молодой ещё мужчина, но уже достойный отец своих детей – Шейр Али. Знаю и люблю его с того времени, когда обучал его, юного семнадцатилетнего гастарбайтера, русскому языку. Видел и знаю, как трудно было ему выговаривать некоторые буквы, а потому ни я, ни моя мама не обращали внимания на его простое, по имени, обращение к нам. Не так давно он заехал ко мне в гости: сели выпить чая, разговорились... Я попросил его посмотреть забарахливший насос в колодце...

– Хорошо, Игорь Аркадьевич, – с улыбкой произнес он, впервые за семнадцать лет обратившись ко мне по имени, а главное, и по отчеству, с трудом выговаривая сочетание А-р-к...

Откровенно говоря, мне к простому обращению не привыкать: ещё с 23 лет, со времён моего преподавания рисунка и моделирования в Центре внешкольной работы, ко мне так и обращались, но в тот момент встречи было что-то иное. Шейр Али обратился ко мне, называя моё не только имя, но и отчество... «Может, это и есть... победа?» – мелькнула в голове озорная мысль, но вовремя проснувшийся здравый смысл всё расставил по местам. «Старейте, батенька!» – выдал смысл, и мы оба расхохотались. Может, это и была самая настоящая победа?.. Над собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.